

КОНКУРЕНТНОСТЬ В ЛОКАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОНКУРСЫ ПО ИЗБРАНИЮ ГЛАВ МСУ И ВЫБОРЫ ДЕПУТАТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНАХ И ГОРОДСКИХ ОКРУГАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ В 2012–2017 гг.*

В.С. Ковин, *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет*

Р.И. Петрова, *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермский государственный национальный исследовательский университет*

После отмены прямых выборов глав муниципальных образований фактически единственным индикатором состояния политической конкуренции на локальном уровне остались выборы глав депутатов представительных органов муниципальных образований. Используя методику определения эффективного числа кандидатов, проанализированы и проранжированы 54 избирательных кампаний по выборам депутатов представительных органов власти муниципальных районов и городских округов Пермского края 2012–2017 гг. В результате анализа прошедших 35 конкурсов по избранию глав муниципальных районов с точки зрения их конкурентности и конфликтности выделены четыре типа: неконкурентное и неконфликтное; неконкурентное и конфликтное; конкурентное и неконфликтное; конкурентное и конфликтное.

Соотнесение рейтинга конкурентности выборов в представительные органы власти с типами конкурсов по избранию глав муниципальных районов и городских округов позволило оценить интегральную конкурентность их политического пространства.

Ключевые слова: конкурентность, локальное политическое пространство, конкурсы по избранию глав, выборы депутатов представительных органов власти, эффективное число кандидатов.

Можно констатировать, что последнее десятилетие российская федеральная, да и региональная политики в отношении местного самоуправления направлены в сторону усиления различных форм контроля, сокращения полномочий муниципалитетов, достраивания «вертикали власти» до местного уровня. Важнейшим инструментом «муниципальной контрреформы» 2014–

2015 гг. стала предоставленная региональным властям возможность посредством принятия региональных законов отрегулировать на свое усмотрение порядок избрания глав муниципальных образований и их статус в составе органов государственной власти [12]. В 2015 г. регионы также получили право вводить избрание глав муниципалитетов представительным органом му-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ-ОГОН № 17-13-59003.

ниципального образования из числа кандидатов, отобранных конкурсной комиссией. При этом для муниципалитетов второго уровня, муниципальных районов и городских округов конкурсная комиссия наполовину формируется высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации [9].

Значительная часть субъектов этим правом не преминула воспользоваться [7]. Риторические обоснования введения данных мер привычно были связаны с повышением эффективности органов МСУ, а также с необходимостью унификации системы местного самоуправления в рамках отдельно взятого региона. В качестве ведущих политических аргументов фигурировали намерение повысить «управляемость» муниципалитетов со стороны региональных властей и ввести более жесткий контроль за деятельностью их глав, а также оградить местных жителей от попадания на высшие муниципальные должности «нежелательных элементов»: «криминала», «популистов», «непрофессионалов» и т.п. Предполагалось, что новый порядок избрания глав снизит конфликтность среди местных элит, имеющуюся в локальных сообществах и регулярно актуализировавшуюся во время местных избирательных кампаний, а также устранил основу для противостояния между региональной и местной властями.

В 2015 г. Пермский край, несмотря на активное сопротивление части региональных и местных депутатов, а также общественников, вошел в число тех 10 субъектов [7], которые во всех муниципальных образованиях унифицированно ввели новый порядок избрания глав представительным органом МСУ по так называемой «конкурсной модели».

С 2015 по 2017 г. в Прикамье было проведено уже 35 конкурсов по избранию глав муниципальных образований, что, в частности, позволяет оценить, привела ли отмена прямых выборов глав муниципалитетов к большей управляемости со стороны региона процессом воспроизводства исполнительной власти на местах и к снижению политической конфликтности в ло-

кальных политических пространствах. повлияли ли отмена прямых выборов и введение конкурсных процедур на состояние политической конкуренции на местном уровне? Зависит ли конкурентность и конфликтность прошедших конкурсов от общего состояния политической конкуренции в той или иной территории?

Электоральные и иные сугубо политические процессы, протекающие на местном уровне, особенно на уровне муниципальных районов и городских округов, вряд ли у кого оставляют сомнения в том, что местное самоуправление является элементом политической системы, а не только способом сугубо хозяйственно-экономической организации людей. Можно согласиться с П. Пановым в том, что поскольку и на местном уровне «есть организованная публичная власть, которая занимается решением вопросов, имеющих публичное значение, постольку ее деятельность приобретает политическое значение» [8, с. 11].

Несмотря на то, что, на первый взгляд, основные функции и полномочия местного самоуправления выглядят чисто хозяйственными, эти задачи являются лишь вторичным проявлением основной функции муниципалитетов – распределительной. «Муниципальные органы власти избираются населением, которое доверяет им управление общими делами и выделяет необходимые для этого ресурсы из собственных средств... Но именно там, где есть возможность получить право распоряжаться ресурсами, где происходит конфликт интересов, и начинаются политика и политическая борьба» [10]. Власть на любом уровне, в том числе и на локальном, «выступает источником конфликтов интересов и предметом борьбы социально и политически структурированных групп» [10]. Локальная политика самым тесным образом связана со спецификой территории, на которую распространяется местная власть, очерченная границами муниципального образования.

Территориальность локальной политики проявляется в специфике ее «политического пространства»¹. В отличие от

¹ Категория «политическое пространство» – относительно новое в политических исследованиях. О проблемах его применения, например, см.: Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 166–176.

пространств национального и субнационального уровней политики, которые включают в себя разнородные по географическим и социальным характеристикам и ресурсам территории, локальное политическое пространство, как правило, в силу своего незначительного масштаба более однообразно (гомогенно) и весьма ограничено по ресурсной базе. Казалось бы, весьма ограниченные физическое пространство и ресурсная база локальной территории не должны создавать благоприятных условий для развития местной политики, структурирования разнонаправленных социальных интересов, фрагментации локального политического пространства и, в конечном счете, формирования локальной политической системы. Однако еще П. Бурдые отметил, что политическое пространство формируется не столько объективированными ресурсами (деньги, законы, аппарат), сколько ментальными структурами в виде распространения политических интересов, представлений и мнений [1].

Как отмечает Туровский, именно для территориально-политических систем «локального уровня», которые отличаются наименьшими размерами, характерна наибольшая компактность и плотность внутренних коммуникаций, которые носят преимущественно личный характер. Компактность этих территорий позволяет выстраивать персонифицированные отношения. [11, с. 42]. При этом так называемые локалитеты (*locality*) – локальные сообщества, на основе которых складываются локальные территориально-политические системы, являются базовой и обязательной ячейкой в иерархии территориальных сообществ, поскольку именно в границах локальных сообществ протекает повседневная жизнь человека [11, с. 50]. Таким образом, для локального политического пространства характерна максимальная плотность, а значит, потенциально высокая напряженность и конфликтность социальных связей, действующих на личностном уровне, которые никуда не исчезают вне зависимости от изменения способов формирования органов местной власти.

Местное самоуправление как система органов власти и распределения, пусть и ограниченных, ресурсов структурирует локальное политическое пространство. В результате между местными группами интересов складывается система отношений по поводу местной власти. Как на любом другом уровне политики, органы власти, в данном случае органы МСУ (глава муниципалитета со своей администрацией и представительный орган), становятся политическим центром данного пространства. Контроль над ОМСУ предоставляет контроль над физическим пространством и местными ресурсами и их распределение в нужных для политических акторов направлениях. При этом если политическое пространство в рамках данного локального сообщества уже сложилось, институционально оформилось, если основные его субъекты уже заявили о своих интересах и намерениях, то вряд ли смена способа избрания главы местной власти заставит их добровольно отказаться от своих властных амбиций.

После отмены прямых выборов глав муниципальных образований фактически единственным индикатором состояния политической конкуренции на локальном уровне остались выборы глав депутатов представительных органов муниципальных образований, прежде всего депутатов муниципалитетов второго уровня – муниципальных районов и городских округов.

В ряде предыдущих статей [6] нами был предложен подход к расчету уровня конкуренции для местных выборов.

Пермский край является достаточно интересной площадкой для отработки методик и методологии изучения политических и электоральных процессов на локальном уровне. В период с президентских выборов в марте 2012 г. и до единого дня голосования 2016 г. (далее *ЕДГ-2012, ЕДГ-2016 и т.п.*) в Пермском крае проходили исключительно местные выборы [6]. Основная масса пермских муниципальных выборов не была поглощена выборами с более «высокой повесткой» и может быть статистически и политически проанализирована в «чистом виде» в контексте развития данных местных

сообществ и региональной политики управления территориями в целом. Отмена в 2014 г. выборов глав муниципалитетов стимулировала местные и региональные элиты уделять больше внимания выборам депутатов представительных органов [9].

Проведенный нами статистический анализ результатов выборов в муниципальных районах и городских округах Пермского края за период 2012–2017 гг. подтвердил [5], что для оценки уровня конкурентности местных выборов, а значит и местного политического пространства, наиболее приемлемым является вычисление эффективного числа кандидатов (формула Лааксо-Таагеперы [13]), но с учетом числа т.н. «недействительных бюллетеней» – ЭЧК (н) [6].

Всего с 2012 по 2017 г. в Пермском крае состоялось 54 местных избирательных кампании по выборам депутатов 53 составов представительных органов власти в 48 муниципальных образованиях второго уровня: в муниципальных районах и в городских округах. В городских округах Губахе и Лысьве, а также в Октябрьском, Суксунском, Чернушинском районах² за данный период прошли уже по две избирательные кампании.

Соотнесение ЭЧК по отдельным округам позволяет оценить конкурентность выборов депутатов представительного органа муниципального образования в целом и рассчитать среднее эффективное число кандидатов или μ ЭЧК, которое вычисляется как среднее от ЭЧК всех избирательных округов.

Предыдущий анализ позволил нам предложить типологию выборов с точки зрения их соревновательности (с учетом недействительных бюллетеней) – ЭЧК(н): *неконкурентные кампании* – в среднем до 2,5 условных кандидата на один депутатский мандат, *слабо-конкурентные* – до 3,5 кандидата и *средне-конкурентные* – выше 3,5 [6].

Согласно результатам, более половины прошедших с 2012 по 2017 г. муниципальных избирательных кампаний в

Пермском крае следует отнести к *неконкурентным* кампаниям (28), где, как правило, победитель был заранее предопределен и побеждал за явным преимуществом. 19 выборов можно отнести к *слабоконкурентным*, где на победу или достойное выступление претендовало 2–3 условных кандидата. При этом различия 7 избирательных кампаний между Чернушинским (ЭЧК 2,40) и Кунгурским районами (2,51) весьма условны. И лишь 7 избирательных кампаний можно отнести к *средне-конкурентным*, где на мандат в среднем по округу претендовало более 3 кандидатов.

В любом случае, наши расчеты позволяют выделить порядка 30 территорий Пермского края, где политическое пространство более или менее фрагментировано, где действуют несколько элитных групп, а также имеются независимые игроки, способные составить конкуренцию друг другу как в ходе выборов депутатов представительных органов, так и при избрании главы муниципального образования. В то же время существует около 20 территорий, где политическое пространство на протяжении последних 10 лет (двух избирательных циклов) практически полностью монополизировано одной из элитных группировок, которая успешно проводит своих сторонников и на депутатские места, и на административные должности. Это не означает, что на территории нет других политических акторов, но их ресурсы и возможности оказались весьма ограниченными и позволяют им играть роль сателлитов в господствующей административной или экономической (промышленной) группировке. Последняя ситуация в большей степени характерна для прикамских промышленных моногородов [2, 4, 6].

Из этих 54 депутатских избирательных кампаний 40, так или иначе, оказались взаимосвязаны с задачей избрания депутатами глав муниципальных образований.

В ЗАТО «Звездном», в связи с особым административным статусом данного муниципалитета, глава городского округа из-

² В Чернушинском районе выборы состоялись в 2014 г. Новые выборы прошли в результате сложения полномочий части депутатов из-за конфликта с главой района.

бирается из числа депутатов. Неконкурентность политического пространства, а точнее фактически отсутствие политики в данном локальном сообществе, подтверждается как результатами прошедших выборов, так и полной управляемостью процедуры избрания главы муниципалитета.

В 35 муниципалитетах главы избирались в результате проведения конкурсных процедур. Причем в большинстве случаев новый глава муниципалитета избирался уже после переизбрания представительного органа. В 9 случаях избрание главы осуществляли депутаты прежнего созыва: Кишертский район (конкурсная комиссия состоялась в августе 2016 г., а переизбрание депутатов Земского Собрания прошло в сентябре в ЕДГ 2016 г.), в Кудымкарский район (глава – ноябрь 2015 г., депутаты – ЕДГ-2016), в ГО Губахе (глава – декабрь 2016 г., депутаты – ЕДГ-2017), Октябрьский МР (глава – май 2017, депутаты – ЕДГ-2017), Карагайский МР (глава – 2 сентября 2016 г., депутаты – ЕДГ-2016, 19 сентября), Добрянский МР (глава – август 2016 г., депутаты – ЕДГ-2016), Чусовской МР (глава – апрель 2016 г., депутаты – ЕДГ-2016), ГО Соликамск (глава – февраль 2016 г., депутаты – ЕДГ-2016), Косинский МР (глава – 5 сентября 2016 г., депутаты – ЕДГ-2016). В ГО Лысьва избрание главы города должно было состояться еще весной 2017 г., но несколько раз срывалось и переносилось, в результате уже депутаты нового созыва 28 сентября завершили ранее объявленную конкурсную процедуру. Таким образом, в большинстве случаев (28) избрание главы местного самоуправления происходило по итогам муниципальной избирательной кампании.

Несмотря на изначальное намерение региональной власти унифицировать порядок и правила проведения конкурсных процедур для всех муниципалитетов второго уровня, на практике само формирование и изменение этих правил (порядок формирования состава конкурсной комиссии, порядок избрания и статус ее председателя, порядок голосования депутатов и др.) в ряде муниципалитетов стало предметом борьбы между локальными группами интересов,

местной и региональной администрацией [3, 9]. Региональная власть законодательно устанавливает лишь требования к профессиональному уровню и стажу кандидатов на пост главы. Основные полномочия по определению механизма проведения конкурса формально остаются за местной легислатурой. Тем не менее региональная администрация настойчиво рекомендовала муниципалитетам принять типовую (фактически «губернаторскую») модель организации конкурса. Ключевыми параметрами этой модели являются: состав «муниципальной части», куда входят местные депутаты, муниципальные служащие, представители общественных объединений, иные лица; правомочность заседания комиссии составляет более половины от установленного числа членов комиссии; председателем назначается представитель губернатора с правом решающего голоса [3, с. 174].

Анализ прошедших 35 конкурсов с точки зрения их конкурентности и конфликтности позволяет выделить следующие типы.

Политическая типология конкурсов:

– неконкурентное и неконфликтное избрание главы МО: единственный претендент – инкумбент или согласованный на всех уровнях основной преемник; технический соперник, серьезные конкуренты не участвовали; конкурсные процедуры прошли без видимых конфликтов и срывов, консолидированное голосование депутатов;

– неконкурентное, но конфликтное избрание главы: был обозначен согласованный на разных уровнях (прежде всего на региональном) основной претендент (инкумбент или его преемник), или региональная администрация попыталась сменить действующего главу; тем не менее была предпринята попытка выдвижения серьезных конкурентов из числа соперничающих групп влияния, или действующий глава повел несогласованную с регионом игру; конкуренты были отсеяны на предварительной стадии (по формальным причинам или в результате давления); в финал вышел технический соперник согласованного претендента; конкурсные процедуры прошли с публичными конфликтами, сры-

вами, переносами (недовольные сторонники отсеянных конкурентов пытались саботировать заседания, оказывать давление на комиссию и депутатов); происходило изменение процедур и правил проведения конкурса; консолидированное голосование депутатов;

– конкурентное, но неконфликтное избрание главы: несколько относительно серьезных претендентов, поддержанных местными группами интересов; основным претендентам удалось дойти до процедуры голосования конкурсной комиссии и/или депутатов; региональная администрация не проявила интерес к конкурсу и активно не вмешивалась; раскол при голосовании депутатов (неконсолидированное голосование); конкурсные процедуры прошли без публичных конфликтов, срывов и переносов конкурса, и изменения процедур не было; – конкурентное и конфликтное избрание главы: несколько реальных претендентов, поддержанных местными группами интересов; основным претендентам удалось дойти до голосования комиссии и/или депутатов; раскол при голосовании депутатов (неконсолидированное голосование); конкурсные процедуры прошли с публичными конфликтами; были срывы и переносы конкурса; происходило изменение процедур и правил проведения конкурса.

Соотнесение рейтинга конкурентности выборов в представительные органы с типами конкурсов по избранию глав муниципальных районов и городских округов позволяет оценить интегральную конкурентность их политического пространства (таблица).

В целом, соотнесение уровня конкурентности выборов депутатов представительных органов и характера конкурентности/конфликтности уже прошедших конкурсов по избранию глав МР и ГО в Пермском крае позволяет оценить состояние политического пространства, того или иного сообщества. Для территорий с неконкурентными выборами, как правило, характерно проведение и неконкурентных конкурсов (11 из 17). Данные политические пространства надежно контролируются ведущими элитными группами, кото-

рые контролируют и представительный орган, и процесс его переизбрания (выборы), и местную администрацию.

Конфликтность в территориях данного типа (Соликамский, Кудымкарский районы) если и имеет место быть, то связана не столько с местными элитными расколами, сколько с противоречиями между региональной властью и главой местной власти, а также с попытками регионалов сделать ставку на какую-то иную фигуру. Так, например, в Кудымкарском районе краевая администрация первоначально сделала ставку на руководителя отдела Регионального исполкома партии «Единая Россия» по работе на территории Коми-Пермяцкого округа Евгения Желудкова, а не на инкумбента, действующего главу Климова, но из-за неверного оформления документов Желудков не был допущен к конкурсу. В финале повторного конкурса Климов легко победил технического кандидата³. Относительная конкурентность в Ильинском, Оханском, Кочевском и Сивинском районах скорее свидетельствует об определенной слабости действующих глав, а также наличии в локальном «персонифицированном сообществе» иных амбициозных лидеров, имеющих определенное количество сторонников.

В районах, где политическое пространство более фрагментировано и где сохраняется относительная конкуренция на местных выборах, как правило, существуют предпосылки к обострению существующих в локалитете явных или латентных конфликтных ситуаций и проявлению большей политической напряженности во время проведения конкурсов по избранию глав регионов. Только если ранее своего рода арбитром в такой борьбе выступали местные избиратели и избиркомы, а их окончательное решение снимало возникшее напряжение, как только выборы признавались их участниками легитимными, то очевидное несовершенство и несправедливость (в том смысле, что любое из указанных выше и принятых правил создает преимущество одной из сторон) установленных процедур приводит к затягиванию конфликта, еще боль-

³ Интервью № 1. 10.10.17. [Личный архив Петровой Р.И.]

Конкурентность политического пространства муниципальных районов
и городских округов Пермского края

№ п/п	Год проведения выборов депутатов	Избирательные кампании по выборам депутатов МО второго уровня	Среднее эффективное число кандидатов мЭЧК	Тип конкурса: конкурентный – неконкурентный / конфликтный – неконфликтный
1	2012	Губаха 2012	1,44	неконкурентный/неконфликтный
	2017	Губаха 2017	1,81	
2	2014	Уинский	1,49	неконкурентный/неконфликтный
3	2015	Соликамский	1,66	неконкурентный/конфликтный
4	2014	Сивинский	1,66	конкурентный/неконфликтный
5	2016	Кишертский	1,69	неконкурентный/неконфликтный
6	2016	Юрлинский	1,74	неконкурентный/неконфликтный
7	2016	Кудымкарский	1,78	неконкурентный/конфликтный
8	2014	Оханский	1,88	конкурентный/неконфликтный
9	2015	Березники	1,88	неконкурентный/неконфликтный
10	2012	Октябрьский (2012)	2,49	неконкурентный/неконфликтный
	2017	Октябрьский (2017)	2,15	
11	2015	Кочевский	2,17	Конкурентный
12	2015	Гремячинский	2,18	Конкурентный
13	2015	Верещагинский	2,18	неконкурентный/неконфликтный
14	2014	Ильинский	2,18	конкурентный/неконфликтный
15	2014	Чернушинский	2,4	неконкурентный/неконфликтный
16	2016	Карагайский	2,43	конкурентный/конфликтный
17	2014	Березовский	2,5	неконкурентный/неконфликтный
18	2014	Кунгурский	2,51	неконкурентный/неконфликтный
19	2015	Горнозаводский	2,68	неконкурентный/неконфликтный
20	2014	Ординский	2,71	конкурентный/конфликтный
21	2013	Кунгур	2,72	конкурентный/конфликтный
22	2015	Краснокамский	2,73	конкурентный/конфликтный
23	2015	Еловский	2,76	неконкурентный/неконфликтный
24	2015	Большесосновский	2,9	конкурентный/неконфликтный
25	2016	Добрянский	2,94	конкурентный/конфликтный
26	2016	Чусовской	3,05	конкурентный/конфликтный
27	2015	Бардымский	3,06	неконкурентный/неконфликтный
28	2016	Соликамск	3,08	конкурентный/конфликтный
29	2012	Лысьва 2012	3,96	конкурентный/конфликтный
	2017	Лысьва 2017	3,14	
30	2014	Нытвенский	3,19	конкурентный/неконфликтный
31	2013	Александровский	3,38	неконкурентный/конфликтный
32	2016	Гайнский	3,75	конкурентный/конфликтный
33	2016	Пермь	3,97	неконкурентный/неконфликтный
34	2015	Юсьвинский	4,09	неконкурентный/неконфликтный
35	2016	Косинский	5,74	неконкурентный/конфликтный

шей персонификации политических отношений в местном пространстве.

Если в первой группе неконкурентных территорий (18) первоначальные конкурсы срывались только 3 раза, то во второй-третьей группах (17) – 7 раз. Причем в некоторых из них (например, Лысьва, Александровск, Кунгур, Краснокамский) субъектам локального политического пространства удавалось затягивать процесс избрания главы, т.е. воспроизводства мест-

ной исполнительной власти, на полгода и более, в то время как ранее избирательные кампании стабильно укладывались в три месяца⁴. И нет никаких оснований утверждать, что ситуация вскоре поменяется, поскольку даже после своего формального завершения проведенные конкурсы существенным образом не изменили ни структуру локального политического пространства, ни состав акторов, ни их интересы.

Неконкурентность и бесконфликтность

⁴ Интервью № 3. 05.10.17. [Личный архив Петровой Р.И.]

конкурсных процедур, прошедших в ряде территорий с относительно конкурентными выборами, имеют несколько разную природу. Так, например, в Еловском районе в результате достаточно конкурентных выборов в 2015 г. (борьба на которых развернулась в том числе с прицелом на будущий конкурс по избранию главы) одержавшая победу группа депутатов обеспечила Антону Чечкину достаточно легкую победу. Аналогичная ситуация сложилась и в Юсьвинском районе. В Перми в 2016 г., несмотря на наличие достаточного количества разнообразных и сильных политических игроков, установление полного контроля со стороны региональной власти за депутатским корпусом городской думы делало в принципе невозможным избрание какого-либо иного кандидата, кроме предложенного ей.

В 8 из 17 районов, относящихся к данной группе, конкурсы прошли в максимально острой форме (конкурентной и конфликтной), в предыдущей группе к такому типу, по нашему мнению, может быть отнесен только один (Карагайский) район. При этом в четырех случаях (Кунгур, Краснокамск, Соликамск, Лысьва) обострение конфликта и затягивание конкурса было связано с активным действием или демонстративным бездействием со стороны краевой администрации⁵. Также следует отметить, что именно в конкурентных районах региональная власть активно прибегала к институциональному давлению, стремясь установить максимально комфортную для себя типовую модель процедуры и правил проведения конкурса.

В большинстве данных территорий политическое пространство фрагментировано, наблюдаются глубокие элитные расколы, нередко политические отношения резко персонифицированы и облакаются в форму межличностных конфликтов. Особенно следует выделить такие территории, как Чусовской, Добрянский, Гайнский, Александровский, Краснокамский, Лысьвинский районы, г. Кунгур и г. Соликамск⁶.

Таким образом, отмена прямых выборов глав МО и введение процедуры избрания глав через конкурсные процедуры существенным образом не изменили характер политического пространства местных сообществ, сложившихся (в тех случаях, где политические сообщества действительно сложились) в рамках муниципальных районов и городских округов Пермского края. При этом региональной власти не удалось в должной мере достигнуть институциональной унификации и существенно повысить управляемость процесса воспроизводства власти во многих из этих локальных политических пространств. В то же время исключение из процесса воспроизводства местной исполнительной власти простого населения в еще большей степени способствовало персонификации политических отношений в рамках локальных территориально-политических систем, усилению напряженности, прежде всего в элитных кругах. Что, в свою очередь, способствует их самоизоляции и подталкивает к дальнейшему сокращению распределения итак весьма ограниченных местных ресурсов в общественных интересах, в интересах всего местного сообщества.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 37.
2. Витковская Т.Б. Влияние конфигурации элит на рекрутирование глав городов Прикамья: специфика двухуровневых муниципалитетов // Вестник Пермского ун-та. Сер. «Политология». – 2017. – № 3. – С. 184–197.
3. Зуйкина А.С., Кочнева Ю.К. Конкурсы на должность глав муниципалитетов в Пермском крае: эффекты процедурных правил // Вестник Пермского ун-та. Сер. «Политология». – 2017. – № 3. – С. 169–184.
4. Витковская Т.Б., Рябова О.А. Лоббистский потенциал и социальный профиль локальных legislatures (на примере Пермского края) // Вестник Пермского ун-та. Сер. «Политология». – 2016. – № 3. – С. 175–184.
5. Ковин В.С., Петрова Р.И. Конкурентность на выборах в представительные органы власти в городских округах и муниципальных районах Пермского края в 2012–2017 гг. // Вестник Пермского ун-та. Сер. «Политология». – 2017. – № 4 (в печати).

⁵ Интервью № 4. 01.10.17. [Личный архив Петровой Р.И.]

⁶ Интервью № 2. 15.10.17. [Личный архив Петровой Р.И.]

6. *Ковин В.С., Петрова Р.И.* Методика анализа конкурентности на местных выборах (на примере промышленных «малых городов» Пермского края) // Вестник Пермского ун-та. Сер. «Политология». – 2016. – № 4. – С. 19–44.
7. *Маркварт Э.* Итоги муниципальной реформы и задачи развития МСУ в России: доклад на заседании Европейского клуба экспертов МСУ. 21 апреля 2017 г.
8. *Панов П.В.* Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. – 2008. – № 3. – С. 9–31.
9. *Панов П.В., Петрова Р.И.* Представительные органы МСУ как канал лоббирования интересов региона: новая система рекрутирования глав МСУ // Вестник Пермского ун-та. Сер. «Политология». – 2017. – № 2. – С. 109–119.
10. *Савельев А.И.* Местное самоуправление как субъект политического пространства // Регионология. – 2009. – № 2. – С. 66–73.
11. *Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 399 с.
12. Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
13. *Laakso M., Taagepera R.* The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. – 1979. April. – P. 3–27.

**COMPETITIVENESS IN THE LOCAL POLITICAL SPACE: ELECTORAL
COMPETITIONS FOR THE HEADS OF LSGS AND THE ELECTIONS OF DEPUTIES
OF REPRESENTATIVE AUTHORITIES IN MUNICIPAL DISTRICTS
AND URBAN DISTRICTS OF PERM REGION IN 2012–2017**

V.S. Kovin^{1,2}, R.I. Petrova^{1,3}

¹ Perm Federal Research Center UB RAS
² Perm State Humanitarian Pedagogic University
³ Perm State National Research University

After the cancellation of direct elections of the heads of municipalities, the election of the heads of deputies of representative bodies of municipalities remained in fact the only indicator of the state of political competition at the local level. Using the methodology for determining the effective number of candidates, 54 electoral campaigns for the election of deputies of representative bodies of power of municipal districts and urban districts of Perm region have been analyzed and ranked for the years 2012–2017. As a result of the analysis of the past 38 tenders for the election of the heads of municipal districts in terms of their competitiveness and conflict, four types have been identified: non-competitive and non-conflict; non-competitive and conflict; competitive and non-conflict; competitive and conflict.

The correlation of the competitiveness rating of elections to representative bodies of power with the types of competitions for the election of the heads of municipal districts and urban districts allowed estimating the integral competitiveness of their political space.

Keywords: competitiveness, local political space, competitions for the election of heads, election of deputies of representative bodies of power, effective number of candidates.

Сведения об авторах

Ковин Виталий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ПФИЦ УрО РАН), 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; доцент кафедры всеобщей истории, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ), 614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 24; e-mail: kovinvit@gmail.com

Петрова Регина Игоревна, старший лаборант-исследователь отдела по исследованию политических институтов и процессов, ПФИЦ УрО РАН; ассистент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: rance.regina@mail.ru

Материал поступил в редакцию 01.11.2017 г.